

ПРАВОВЫЕ ИТОГИ — 2020

В начале нового года мы традиционно подводим итоги года прошедшего.

Своим мнением о том, какие события оказали наибольшее влияние на развитие права в России и в мире, поделились видные ученые, государственные деятели и практики от юриспруденции.

ИРИНА АЛЕБАСТРОВА

доктор юридических
наук

— Безусловно, событием года для России является конституционная поправка, которая не просто укрепила уже сложившиеся ко времени ее принятия рамки политической реальности, а создала юридические и идеологические предпосылки для продвижения определенных тенденций последующим законотворчеством. Речь идет о юридическом оформлении в нашей стране авторитарных начал политического режима.

Поправкой ограничен целый ряд основ конституционного строя и конституционных прав человека. Так, свобода слова (ст. 29 Конституции РФ), политическое и идеологическое многообразие как основа конституционного строя (ст. 13) ограничены запретом призывов к действиям, направленным на отчуждение части территории Российской Федерации (ч. 2.1 ст. 67), и запретом умаления значения подвига народа при защите Отечества (ч. 2 ст. 67.1). Избирательные права граждан и право на равный доступ к государственной службе, а также конституционный принцип равноправия ограничены установлением дополнительных, т.е. не предусмотренных ст. 32 Конституции, провозглашающей данные права, цензов (п. «т» ст. 71, ч. 3 ст. 77, ч. 5 ст. 78, ч. 2 ст. 81, ч. 4 ст. 95). Ограничением избирательных прав граждан на уровне местного самоуправления является закрепление в новой ч. 1.1 ст. 131 Конституции положения о том, что органы государ-

ственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления.

Но особенно сильно от поправки пострадал принцип разделения властей, ибо роль Президента в государственном механизме стала еще более непропорционально значительной. Он (и только он) получил право косвенного вето на федеральные конституционные законы и законы субъектов Федерации, повторного косвенного вето на обычные федеральные законы, четвертое основание роспуска Государственной Думы, полномочия осуществлять общее руководство Правительством РФ, инициировать досрочное прекращение полномочий судей, назначать и освобождать от должности практически всю вертикаль прокуроров и т.д.

Названные нормы (большинство из которых включено в главы, чей предмет регулирования не соответствует содержанию нововведений) нарушают положения первой и второй глав Конституции, которым не должно противоречить не только текущее законодательство, но и функциональные главы самой Конституции (ст. 16, 64 Конституции).

Будучи приправленным сладким соусом в виде ряда социальных норм (о детях, социальной солидарности, индексации, защите животных), новое конституционное блюдо не перестало быть ядовитым, разлагая саму ткань конституционного организма, главный смысл существования которого заключается в ограничении государственной власти, прежде всего — власти политического лидера. Это азбука конституционного права. Таких ограничений в нашей Конституции и раньше было негусто, а теперь они и вовсе стали символическими.

Примечательно, что вскоре после вступления в силу поправки последовал ряд законодательных новелл, причем не только тех, которые предполагались поправкой для конкретизации ее положений, но и таких, принятие которых не предусмотрено ею напрямую, но осуществлено по ее мотивам, вписано в общую логику ее буквы и духа (например, о возможности признания физических лиц СМИ, выполняющими функции иностранных агентов; о запрете опубликования и даже сообщения участникам процесса особых мнений судей Конституционного Суда РФ; о признании очереди в одиночный пикет массовым мероприятием и т.п.). А вот результаты внесения в Конституцию социальных положений выглядят значительно скромнее.

В связи с этим приходится констатировать, что юридическое событие года невозможно считать имеющим позитивное значение для продвижения России к идеалам правового демократического федеративного государства с республиканской формой правления, провозглашенным в первой статье Конституции в качестве главных принципов российского конституционализма.

НАТАЛИЯ РАССКАЗОВА

заведующая кафедрой
нотариата СПбГУ

— Пандемия, как любое испытание, показала, где общественный организм слаб, а где способен использовать ресурсы не только для выживания, но и для развития.

1. В экстраординарной ситуации многие юристы пришли к выводу: теперь в договор необходимо включать условие о непреодолимой силе, иначе ничего не докажешь и не получишь. Приверженность этой идее продемонстрировала, насколько слабы у нас знания базовых положений гражданского права. Забыто, что понятие обстоятельств непреодолимой силы имеет не договорную, а объективную природу; что нельзя смешивать условия освобождения от ответственности, с одной стороны, и основания прекращения обязательства, о которых можно договориться, в том числе на случай форс-мажора, — с другой. Преподавателей вузов постоянно тычут носом в недостаток практикоориентированности. Но практики работы в условиях пандемии не было. А хорошая теория всегда есть, изложенная, в частности, в работах классиков советской юриспруденции (пренебрежение которыми, столь модное сегодня, неразумно). Тот, кто знает теорию, не потерялся в неожиданных условиях 2020 г.

2. В Указе Президента РФ от 25.03.2020 об объявлении 30 дней нерабочими не говорилось ни о его применении к различным правоотношениям (договорным, наследственным, процессуальным и т.д.), ни о том, в каком порядке будет дан ответ на эти вопросы. Результат — смятение практики. А ведь то, что вопросы возникнут, было очевидно изначально. Опять приходится говорить об отсутствии профессионализма у тех, кто готовит тексты нормативных актов. И о том, как дорого обходится обществу непрофессионализм юристов.

3. Мы увидели, как велик потенциал самоорганизации гражданско-правовых отношений. Это еще одно напоминание законодателю: внедряться в регулирование оборота следует, как говорят хирурги, только по жизненным показаниям.

4. Прошедший год показал, что нормальное экономическое и культурное состояние общества в юридическом плане зависит в первую очередь от развития права публичного вообще и социального в частности. Что трудовой договор не является видом гражданско-правового договора. И что налицо явный недостаток высококлассных специалистов по праву социального обеспечения.

5. Увеличилось число нотариальных действий. В условиях пандемии особенно ярко проявилась роль нотариата как института, гарантирующего осуществление и защиту прав граждан и юридических лиц.

6. Дистанционное участие в различных процедурах (будь то общее собрание участников хозяйственного общества или судебное заседание), раньше вызывавшее у одних недоверие, а у других полное отторжение, стало тенденцией. Появилась надежда, что повсеместное разумное использование дистанционных технологий, как и отказ от бюрократических требований везде являться лично (в отдел кадров для подписания бумаг и т.п.), скоро станет нормой. Повторю — разумное. Поэтому сказанное не относится к процессу образования.

АЛЕКСАНДР САВЕЛЬЕВ

доцент факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», юристконсульт компании *IBM* (Россия/СНГ), заместитель председателя Комиссии по правовому обеспечению цифровой экономики Ассоциации юристов России (московское отделение), член консультативного совета при Роскомнадзоре, кандидат юридических наук, магистр частного права (РШЧП)

— Минувший год ознаменовался рядом фундаментальных изменений в праве России и многих иных стран мира, поводом к чему стала вспышка коронавирусной инфекции. Ее влияние на право еще станет предметом множества исследований в будущем, но уже сейчас ясно, что оно носит многоаспектный характер и охватывает как достаточно очевидные изменения, например ускорение процессов принятия законодательства в области цифровой сферы, так и более революционные, главным примером которых, пожалуй, можно назвать появление и быстрое укоренение в правовой системе ситуативного нормотворчества государственных органов, нацеленного на борьбу с ковидом и получившего достаточно меткое наименование «вируспруденция». Отличительными особенностями такого нормотворчества являются: (а) делегированный характер, (б) оперативность принятия в отсутствие предварительных обсуждений с экспертным сообществом и иными государственными органами, (в) целесообразность как основной критерий формальной легитимности. Данные характеристики были «благословлены» Конституционным Судом РФ, который отметил: тот факт, что регулирование органов государственной власти регионов «носило опережающий характер (особенно принимая во внимание масштаб угрозы распространения коронавирусной инфекции), не может служить основанием для вывода о признании его в конкретно-исторической ситуации противоправным и противоречащим положениям Конституции Российской Федерации даже в короткий период до принятия федеральных актов, придавших ему формально-юридическую легитимацию»¹. Таким образом, критерием законности нормативного акта в новых реалиях стало его соответствие не действующему законодательству, а некоему будущему закону, который может быть принят.

Нетрудно заметить, что это открывает практически бесконечные возможности для принятия на подзаконном или региональном уровне любых ограничивающих права и свободы граждан и организаций актов. Потенциальные противоречия действующему законодательству можно объяснить чрезвычайностью «конкретно-исторической» ситуации и «опережающим» характером нового акта, а в случае успешности предусмотренных им мер и ограничений либо при наличии большого политического веса у стоящего за таким актом государственного органа соответствующий федеральный закон, возможно, и будет принят. В случае же неуспешности таких мер они, возможно, через какое-то время будут отменены, но ответственности за их принятие и последствия в период их действия никто не понесет. При этом, как показывает практика, у обжалования подобных актов, принятых в Москве, с использованием традиционных судебных процедур шансов на успех практически нет — не в последнюю очередь благодаря расплывчивости формулировок федерального законодательства, которые формально предоставляют региональным органам власти соответствующие полномочия. Примером может служить п. «у» ст. 11 Закона о защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций², предусматривающий право органов государственной власти субъектов «устанавливать обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности

¹ Постановление КС РФ от 25.12.2020 № 49-П.

² Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

или чрезвычайной ситуации». Данное положение при желании может быть истолковано судом как вполне себе самодостаточное и предоставляющее все необходимые полномочия региональным властям, особенно в совокупности с Указом Президента³, который позволяет органам власти субъектов РФ разрабатывать комплекс ограничительных мер исходя из санитарно-эпидемиологической обстановки в регионе.

Однако обозначенная Конституционным Судом РФ концепция опережающего правотворчества завершила превращение всей страны в «регуляторную песочницу», где региональные и отраслевые чиновники соревнуются между собой в принятии актов, которые формально призваны способствовать борьбе с коронавирусной инфекцией, но вполне могут иметь и иные цели.

Какие, например? Оставляя в стороне возможные коррупционные и узковедомственные интересы, отмечу, что пандемия создала беспрецедентные условия для устранения тех немногих прав и свобод, которые стоят на пути нового технологического уклада. Для того чтобы понять, о чем речь, имеет смысл перенестись на 20 лет назад. В свое время ряд терактов, в том числе 9 сентября 2001 г. в отношении Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, повлекли принятие в США и за их пределами законодательства, направленного на две основные уязвимые для терроризма сферы: финансы и коммуникации. Как следствие, новая реальность, образованная данными законами, фактически свела на нет банковскую тайну, а также создала беспрецедентные по меркам XX в. правовые основания для слежки за гражданами, существенно ограничив их право на неприкосновенность частной жизни и тайну переписки и телефонных переговоров⁴. Граждане, напуганные уже произошедшими терактами и угрозами новых, без сопротивления сдали данные права на милость государства под предлогом борьбы с терроризмом.

Несмотря на эти ограничения, у граждан все же сохранились некоторые границы, свободные от вмешательства государства. Например, определенный контроль над своими персональными данными, возможность свободного перемещения внутри государства и в немалой степени за его пределами, право на врачебную тайну и свободу медицинского вмешательства и др. Да и государство не имело возможностей и достаточных предлогов для того, чтобы контролировать всех и каждого. Вместе с тем сохранение за гражданами значительных свобод в этой сфере противоречит новой парадигме цифровизации всего и вся, в рамках которой различного рода организации должны иметь существенную степень свободы по обработке данных о гражданах, в том числе в сфере здравоохранения, личных контактов и перемещений.

Объявленная ВОЗ пандемия предоставила государствам возможность под предлогом борьбы с нею существенно ограничить и эти оставшиеся права

³ Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)».

⁴ Законодателем мод в этой области стал *USA PATRIOT Act* от 26.10.2001, идеи которого были заимствованы большинством стран по всему миру.

граждан. Так, прецеденты широкомасштабного ограничения права на свободу передвижения появились еще в первую волну инфекции (весна 2020 г.) и будут только увеличиваться со временем — применительно как к зарубежным, так и к внутренним поездкам. Право на медицинскую тайну и свободу медицинского вмешательства претерпело существенные ограничения в рамках режима «самоизоляции» и «карантина» и будет далее ограничено в ходе кампаний по обязательной вакцинации. Право на контроль над своими персональными данными уже находится под сильным давлением многочисленных актов, отслеживающих перемещения и контакты граждан.

Таким образом, ковид сделал возможным и обыденным такой уровень контроля правительств над жизнью людей и бизнеса, который год назад и помыслить было трудно. При этом важно отметить, что подобные ограничения конституционных прав идут параллельно с масштабной оцифровкой многих сфер общественной жизни, которые традиционно воспринимались гражданами преимущественно в аналоговой форме (образование, развлечения, работа, общение с близкими), также спровоцированной распространением вируса. Это влечет появление у государства и организаций все большего количества данных о гражданах и их оцифровывание с последующей обработкой с использованием алгоритмов и профайлинга. Но в отличие от эпохи борьбы с терроризмом, к числу бенефициаров от новых ограничений относится не только государство, но и крупные организации. Они, функционируя в тандеме с государством, компенсируют недостаток его ресурсов для осуществления столь всеобъемлющего контроля в цифровой среде, получая новые возможности для собственной предпринимательской деятельности.

Те немногочисленные правовые барьеры, которые ранее стояли на пути тотальной оцифровки, теперь могут быть сняты посредством «опережающего» нормотворчества. В условиях, когда обладание данными о гражданах в совокупности с технологиями по их обработке означает возможность контроля, можно заключить, что пандемия создала необходимые условия для формирования новых моделей управления обществом, демонтировав те правовые границы, которые когда-то препятствовали появлению таких моделей и считались незыблемыми. Декларируемый в рамках Всемирного экономического форума тезис о «великой перезагрузке» в связи с пандемией, при всей его пафосности⁵, уже имеет вполне работоспособную правовую подложку для его проведения в жизнь. В ближайшие несколько лет нам еще предстоит увидеть, какой именно будет эта трансформация, но одно кажется достаточно ясным: право и мир в целом после 2020 г. сильно изменились. Право если и будет играть роль в новом мироустройстве, то гораздо более прикладную и менее существенную, нежели ранее. Так что легитимированный судами феномен вируспруденции стал, на мой взгляд, наиболее ярким и далеко играющим явлением 2020 г., создающим условия для пересмотра самих основ правовой системы.

⁵ См.: The Great Reset. URL: <https://www.weforum.org/focus/the-great-reset> (дата обращения: 18.01.2021).

ДАНИИЛ ЦЫГАНКОВ

доцент департамента
политики и управления
факультета социальных
наук Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»

— Регуляторная реформа 2019–2020 гг., прожитая под светом звезды по имени «гильотина», послужила превосходной иллюстрацией старинного тезиса, что в сложных ситуациях нет ничего более практичного, нежели хорошая теория.

Несмотря на грозное звучание, ядром реформы стала не стремительная расчистка (устаревшей и избыточно затратной) нормативки (т.е. *deregulation*), но трудоемкий процесс поиска компромиссов по обновляемому регулированию между регуляторами и бизнес-адресатами регулирования в лице представителей «цензовой общественности» (т.е. *smart regulation*). В международном опыте первый подход был продемонстрирован, например, Южной Кореей и Хорватией, а второй в том числе Австралией и Мексикой; каждый путь имеет свои преимущества и риски.

Ясно одно: если не получается провести дерегуляцию за год, надо ориентироваться на более длительный трек реформ (примерно 5 лет), что превращает «регуляторную гильотину» в постоянно работающую «мясорубку»⁶.

Самое неразумное, что можно сделать при таком раскладе, — принять точечные достижения к сведению и, застряв между двумя подходами, спустить реформу на тормозах. Что же делать для дальнейшего продвижения в сторону доказательной регуляторной политики?

Измеримые результаты «гильотины» уже стали предметом шуток про стакан, который наполовину то ли пуст, то ли полон. Но в отсутствие — для подавляющего большинства отраслей (пожалуй, кроме рыбопромышленной⁷) — расчетов затрат на исполнение обязательных требований сейчас не остается другого выхода, кроме как оперировать относительными величинами: числом отмененных/сохраненных актов и долей отмененных обязательных требований, сопровождая эти цифры десятком ярких кейсов, где была точно посчитана будущая экономия бизнеса.

Итак, надо политически признать, что достижение национальных целей в части экономического развития требует владения оперативными данными — не только по налоговым сборам и бюджетным расходам и не только относительно флуктуаций мнений в социальных сетях, но и по затратам регулирования (воздействию регулирования на экономику). Тогда все изменения в регулировании будут увязаны с оценкой затрат и воздействием на бюджет и субъекты экономики. Для этого в 2021 г. необходимо начать создание базы данных регуляторных затрат в увязке с отраслями (крупнейшими компаниями), реестром обязательных требований и аналитической системой мониторинга контрольно-надзорной деятельности, поддержать создание центра компетенций по применению *Big Data* для оценки затрат регулирования в одном из крупнейших российских вузов. Далее, координирующая роль подкомиссии по «регуляторной гильотине» должна повыситься, «принуждая» ФОИВы и бизнес к доказыванию регулирования, а обход ее решений должен стать сверхзатратным в аппаратном смысле. Также надо усилить штат департамента обеспечения ре-

⁶ Галиева Д. Гильотина обретает свойства мясорубки // Коммерсант. 2021. 1 янв.

⁷ См.: Костырев А. Рыбакам пересчитали нагрузку // Коммерсант. 2020 15 мая.

гуляторной политики аппарата Правительства аналитиками — специалистами по сбору данных и расчетам издержек-выгод. Наконец, необходимо наладить постоянное переобучение сотрудников госорганов в части методов анализа затрат регулирования; последний год показал, что заваленные поручениями исполнители в ФОИВах искренне не понимают: что от них хотят-то в рамках всех этих ФЭО, ОРВ, МСИ и подобных *evidence-based* подходов?

ИГОРЬ ОСТАПЕЦ

управляющий партнер
московского офиса
международной
юридической фирмы
«Уайт энд Кейс»

— Очевидно, что 2020-й запомнится нам прежде всего далеко не правовой тематикой. Однако законодательная и правоприменительная деятельность в течение года была достаточно активной.

Практикующие юристы и представители академической среды склонны оценивать значимость правовых событий, ориентируясь на свою специализацию. Тем не менее я думаю, что большинство коллег согласится с тем, что наиболее значимым правовым событием 2020 г. была конституционная реформа (вне зависимости от отношения к ее содержанию).

С точки зрения коммерческой практики я бы отметил явное смещение фокуса на институт субсидиарной ответственности при банкротстве. Это проявилось и в количестве исков, и в усилиях Верховного Суда РФ по обеспечению единства правоприменения по данному вопросу. Среди прочих аспектов мне понравилась тенденция, направленная на установление отношений реального, фактического, контроля, в том числе полагаясь на совокупность косвенных доказательств (*substance over form*).

Еще одним важным правовым явлением стали вопросы банкротного моратория, который был введен в качестве средства «коронавирусной» защиты для бизнеса. Правовая неясность в отношении существенных аспектов режима поставила ряд серьезных вопросов как перед кредиторами (текущими и новыми), так и перед бизнесом, который он, режим, должен был защитить. В связи с этим достаточно важным является разъяснение Пленума Верховного Суда РФ⁸, призванное снять часть этих вопросов.

Поручительство как способ обеспечения исполнения обязательств всегда играло важную роль в российской практике. Но использование этого инструмента после его реформирования в 2015 г. было сопряжено со множеством правовых неясностей. Соответственно, хочется отметить появление декабрьских разъяснений Пленума по вопросам поручительства⁹.

В целом в 2020 г. продолжилась тенденция выбора российского права в качестве права, применимого к сделкам, в том числе и с трансграничным

⁸ Постановление Пленума ВС РФ от 24.12.2020 № 44 «О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ „О несостоятельности (банкротстве)“».

⁹ Постановление Пленума ВС РФ от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве».

элементом. Реформа Гражданского кодекса (ГК) 2015 г., включая введение таких инструментов, как заверения об обязательствах, возмещение потерь (ст. 406.1 ГК), признание потестативных условий, опционов, либерализация в области корпоративных договоров, однозначно способствовала повышению уровня привлекательности российского права. Однако привлекательность иностранного права по-прежнему остается достаточно высокой. Частично это связано с тем, что практика применения новых инструментов находится в процессе становления и в ней сохраняется немало неясностей и противоречий. Добросовестные стороны всегда заинтересованы в том, чтобы их коммерческие договоренности были в максимальной степени защищены юридически в соответствии с их волеизъявлением. Для этого нужна ясность, стабильность и последовательность в интерпретации и применении соответствующих правовых норм. В этом смысле крайне важной видится роль судов, стремление и готовность судей фокусироваться на установлении и предоставлении правовой защиты реальному волеизъявлению сторон сделки, недопущению злоупотребления правом и отказ от юридического формализма.

СЕРГЕЙ ПАШИН

профессор факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», федеральный судья в отставке, заслуженный юрист РФ

— Прошлогодние изменения в сфере уголовно-процессуального регулирования не успели оказать решающего влияния на состояние отечественного права, однако они обозначили тенденции его преобразования и исполнены потенциальной энергией, не всегда созидательной. Нет сомнения, что вектор движения нормативных пластов был задан летними поправками к Конституции РФ, а пандемия стала катализатором всех реакций властных структур.

Так, Президиум Верховного Суда РФ в содружестве с Советом судей РФ, т.е. органом судейского сообщества, присвоил себе власть определять, какие дела нужно рассматривать «безотлагательно», а с какими процессами можно не торопиться; они велели «ограничить доступ в суды» публики (совместные постановления от 18 марта и 8 апреля 2020 г.). Между тем сроки рассмотрения дел определены законом и установление порядка реализации основополагающего принципа гласности судопроизводства — это полномочие не ведомства, а законодателя. Судейская корпорация под предлогом профилактики распространения заразы продолжила курс на вытеснение из суда живого общения с участниками процесса в пользу видео-конференц-связи.

Неблагоприятную роль не могут не сыграть изменения, выражающие отношение национальных властей к имплементации норм международного права и позволяющие скрадывать действие международных договоров и актов международных органов по защите прав человека. В этом направлении переписаны¹⁰ не только статьи Конституции РФ и Закона о Конституционном Суде РФ¹¹, но и ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ. И в данном случае, и при введении неправовых ограничений для людей в общих и арбитраж-

¹⁰ См.: Федеральный закон от 08.12.2020 № 419-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

¹¹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

ных судах не просто нарушается иерархия правовой системы, но проступает вполне определенное отношение к правосудию: удобство чиновника и задача ограждения казенного интереса вытесняют демократические ценности.

Законодательство о конституционном контроле пополнилось новыми барьерами на пути частных жалоб. Отныне обращаться в Конституционный Суд РФ позволено, только «если исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты»¹²; как объяснил сам Суд в Заключении от 16.03.2020 № 1-3, подразумевается, что гражданин обязан претерпеть не только решение (приговор), но также и дождаться ущемления его прав апелляционной и кассационной инстанциями. Это особенно огорчает, поскольку Конституционный Суд РФ стал принимать акты, ограждающие суд присяжных от произвольной отмены вердиктов¹³.

Под шумок переделки Конституции РФ в УПК было внесено многообещающее изменение: особый порядок судебного заседания при согласии подсудимого с обвинением перестал распространяться на дела о тяжких преступлениях¹⁴. Увеличение нагрузки на судей Верховный Суд РФ планирует с лихвой компенсировать массовым использованием суммарных процедур при осуждении людей за «уголовные проступки»¹⁵. Законопроект высшего суда отличается малоэстетичной и путаной репрессивной терминологией; например, предлагается ввести в закон эвфемизм «ограниченно оплачиваемые работы» (наряду с исправительными, принудительными, обязательными, общественными). Но это еще полбеды. По замыслу Верховного Суда, осуждение за «уголовные проступки» будет поставлено на конвейер, и даже участие адвоката-защитника при применении «мер уголовно-правового характера» окажется необязательным (ч. 4 проектируемой ст. 446.2 УПК РФ). Состязательность и право на защиту откладываются в сторону — в который уже раз.

Пожалуй, со сдержанным энтузиазмом стоит упомянуть, что Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 7 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» судьи обязаны во всех случаях рассмотрения ходатайств о применении заключения под стражу обсуждать возможность использования менее радикальной меры пресечения; по делам предпринимателей на следователя, требующего арестовать обвиняемого, возложено бремя доказывания того факта, что приписанное тому преступление не связано с предпринимательской деятельностью. Конечно, определенную положительную роль может сыграть упорядочение норм о гражданском иске в уголовных делах, сделан-

¹² Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде Российской Федерации“».

¹³ См., напр.: Постановление от 07.07.2020 № 33-П по жалобе Р.А. Алиева; Определение от 05.12.2019 № 3276-О по запросу суда Ямало-Ненецкого автономного округа.

¹⁴ Федеральный закон от 20.07.2020 № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

¹⁵ Постановление Пленума ВС РФ от 13.10.2020 № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка“».

ное Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу».

Как выразился русский поэт А. Майков, «чем ночь темней, тем ярче звезды...».

ЮЛИЙ ТАЙ

управляющий партнер
адвокатского бюро
«Бартолиус»

— Из принципиальных соображений не стал читать посты коллег, которые уже подвели итоги года, чтобы они не смогли как-то изменить (повлиять, напомнить, отвлечь) мое ощущение (послевкусие) этих девиантных 366 дней, которые точно войдут в учебники истории, причем всех стран мира.

2020-й сразу начался с тектонических изменений: роспуск Правительства. Разумеется, само по себе оно (как и любое изменение) ни хорошо, ни плохо, поскольку значение имеет не то, что кто-то ушел (сменился), а то, кто приходит на «уготованный им пир». Состав сменился существенно, но не принципиально. Параллельно, хотя и без связи с этим процессом, происходила смена власти в двух коллегиях Верховного Суда (гражданской и экономической). Разумеется, в России изменения руководства являются судьбоносными и влияют на правовой ландшафт намного больше, чем изменение законодательства или принятие актов высших судов, поскольку, как известно, важно, «не как проголосовали, а как посчитали», а применительно к правосудию — не какие акты приняты, а как их будут применять судьи на местах. А это, в свою очередь, сильно зависит от того, кто возглавляет суды. Увы, у нас роль руководства вообще и в судах в частности крайне гипертрофирована и преувеличена. Именно в периоды борьбы за власть на свет божий появляются некоторые тайны и «секреты мадридского двора» (личная информация, пороки и недостатки, скелеты в шкафах, а порой почти интимные подробности), тогда как в мирное время судебная система традиционно рапортует, что «в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо». В результате этих затяжных и кровопролитных сражений бульдогов под ковром оба заместителя Председателя Верховного Суда были заменены на новых, причем в перекрестном режиме (заместителем СКЭС стала И. Подносова из судов общей юрисдикции, а СКГД, наоборот, возглавил председатель окружного арбитражного суда Ю. Глазов, этакая рокировка). В настоящий момент у меня нет мнения о том, как повлияла (и повлияла ли вообще) эта ротация на деятельность судей Верховного Суда, но хочется надеяться, что сам по себе «новый критический взгляд» может что-то изменить в лучшую сторону.

Однако это все были только цветочки. С марта начали появляться ягодки.

Сначала изменения Конституции — в их адрес я и многие коллеги уже неоднократно и подробно высказали критические замечания и категорическое несогласие, что, впрочем, не оказало никакого влияния ни на скорость, ни на качество, ни уж тем более на сам факт принятия изменений. Еще более удручающим оказалось Заключение Конституционного Суда по поводу этих изменений. Не буду повторять то, что я уже сказал сразу после его оглашения. Последовавшие за этим неизбежные поправки во все связанные с Конституцией федеральные конституционные и федеральные законы, конечно, тоже беспокоили, тревожили, злили, возмущали, но там все-таки срабатывал прин-

цип «снявши голову, по волосам не плачут» или «сгорел сарай, гори и хата». Законодательный кляп в форме запрета публикации (читай: написания) особых мнений судей Конституционного Суда РФ только нормативно зафиксировал неизбежные последствия, или привел форму к содержанию, что не изменяет исторический и трагичный характер изменений, но выглядит весьма последовательным, ожидаемым и логичным действием законодателей.

Пандемия, изоляция, включая самоизоляцию, дистанты, маски, резиновые перчатки и прочая атрибутика этого безумного года описаны многократно, в том числе нами с С. Будылиным¹⁶. Все это крайне небезынтересно и точно позднее будет проанализировано учеными (от историков права до психологов и психиатров), но сейчас я уже не буду к этому возвращаться. Единственное, мимо чего я лично не могу пройти, так это очередная демонстрация доморощенного правила, выраженного одним популярным, хотя и очень спорным российским музыкантом: «Никого не жалко, никого: ни тебя, ни меня, ни его». Когда здоровью и даже жизни судей, как и всех граждан страны, грозила опасность, никто из руководства судебной системы не предпринял быстрых и эффективных мер, и только после того, как появились многочисленные случаи заболеваний, начальники отреагировали, причем очень непопулярным при решении всех остальных вопросов способом: решайте на местах, спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Ну хотя бы так. Попутно отметим, что когда позднее стал решаться вопрос о гарантиях сохранения имущественных прав судей путем запрета отмены предусмотренной законом индексации их заработной платы, судейский корпус сплотился, что очень хорошо, но только это не возымело никакого воздействия, что очень плохо. И дело здесь вовсе не в деньгах, а в том, что судейскому корпусу одним жестом сразу указали и на его вес (незначительный, почти иллюзорный) в системе координат, и на место (весьма незавидное), и на степень внимания к его требованиям, и, самое главное, на истинную цену сохранения независимости судебной власти в стране. Кто в этом виноват? Вопрос риторический.

Необходимо еще сказать пару слов об онлайн-правосудии. С одной стороны, очень хорошо, что суды так оперативно и высокотехнологично ответили на вызовы пандемии, но, с другой стороны, эта чрезвычайщина вызывает очень много вопросов как в части формальных оснований (отсутствие нормативного регулирования), так и, в еще большей степени, в части того, насколько такое рассмотрение дел может считаться правосудием и не стоило ли его урегулировать, апробировать, осмыслить в спокойном, рабочем режиме, прежде чем испытывать на судьбах и жизнях сограждан.

Изначально хотел написать злобную филиппику по поводу «антидела года» с участием «адвокатов» Добровинского и Пашаева, но язык просто не поворачивается дать какую-либо цензурную оценку этому безобразию как по форме, так и по содержанию. Кроме того, когда все это происходило, я из принципиальных и частично гигиенических причин отказывал всем представителям СМИ в комментариях. Не буду отступать от этого решения и сейчас, лучше процитирую В. Маяковского: «Я такого не хочу даже вставить в книжку».

¹⁶ Тай Ю.В., Будылин С.Л. Право во время чумы // Закон. 2020. № 4.

Но, несмотря на все сказанное, у меня есть светлая надежда на то, что положение в нашей стране может измениться в лучшую сторону. Для этого оптимизма у меня есть как минимум три основания. Говоря о первом, следует процитировать И. Тургенева: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» За прошедший год я прочитал много прекрасных новых работ современных авторов и перечитывал классику. Это вдохновляет и вселяет веру в прекрасное будущее.

Второе — это люди, юристы, коллеги. Трудности всегда проверяют на прочность. Приятно, что подавляющее большинство окружающих меня людей, моих коллег, моих близких с достоинством и мужеством приняли все испытания, «не струсил и весел не бросил». Точно знаю, убежден, что вместе мы сила и вместе мы со всем сдюжим. Это касается и работы, и образования, и благотворительной деятельности. А многие скромные и оттого незаметные коллеги смогли продемонстрировать свои прекрасные волевые, профессиональные и личные качества именно в этих сложных обстоятельствах. И я благодарю прошедший год за то, что он позволил мне их увидеть по-другому, по-новому оценить их. Как говорил великий американский финансист У. Баффетт, «ведь лишь с началом отлива вы можете выяснить, кто купается голышом».

Третье. Несмотря на то, что почти весь этот год я преподавал в дистанционном режиме, в очередной раз убедился, что у нас прекрасная, талантливая, трудолюбивая, свободная, креативная, желающая улучшений и прогресса молодежь (студенты и магистры); они лишены многих пороков и недостатков, «родовых травм» предыдущих поколений. У них есть шанс, потенциал, возможность все изменить к лучшему. Верю, что у нас все получится. По крайней мере, в наступившем новом году я им и себе этого желаю!

— Если не считать Федеральный закон от 30.12.2020 № 490-ФЗ «О пчеловодстве в Российской Федерации», я бы сосредоточился на милой моему сердцу области вещного права. В ней хотелось бы отметить три основных, на мой взгляд, позитивных события.

Во-первых, реформа вещного права пока так и не состоялась.

Во-вторых, принято очень важное Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2020 № 11-П, в котором Суд указал, что ч. 3 ст. 35 Конституции, закрепляющая недопустимость принудительного отчуждения имущества для государственных нужд без предварительного и равноценного возмещения, распространяется не только на случаи прекращения права частной собственности, но и на случаи ограничения права собственности в публичных интересах. Наверное, излишне говорить об огромной практической значимости этого решения. Хотя Постановление и основано на действующем Земельном кодексе, оно призвано выправить судебную практику, которая пошла было по

АНДРЕЙ РЫБАЛОВ

доцент кафедры
гражданского права
СПбГУ, кандидат
юридических наук

пути присуждения компенсаций только в случаях установления незаконных ограничений.

В-третьих, появилось Постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2020 № 48-П. В нем Суд прежде всего отметил, что имущественные интересы давностного владельца подпадают под действие конституционных гарантий, поскольку институт приобретательной давности призван обеспечить выполнение конституционно значимой задачи — возвращения имущества в гражданский оборот. Ну и главное: Суд, по сути, разрешил коллизию между совместным Постановлением Пленумов № 10/22¹⁷ и последующей практикой Верховного Суда, указав на различие критериев добросовестности в случае приобретения имущества добросовестным приобретателем и в случае давностного владения. Как указал Конституционный Суд, иной подход, подразумевающий, что при получении владения для давности необходимо полагать себя собственником имущества, лишает лицо, длительное время владеющее имуществом как своим и не нарушающее при этом прав иных лиц, возможности легализовать такое владение, вступает в противоречие с конституционно значимыми целями, заложенными в ст. 234 ГК РФ.

АРКАДИЙ БРЫЗГАЛИН

руководитель группы компаний «Налоги и финансовое право», кандидат юридических наук

— Первый обзор из серии «Топ-10/2020 „Налоги и право“» я открываю перечислением и кратким анализом самых громких, знаковых, почти эпохальных событий налоговой политики, случившихся в прошедшем году.

Разумеется, этих событий в несколько раз больше, чем десять, но эти, на мой взгляд, являются наиболее важными и определяющими для нашей будущей налоговой политики в частности и для налоговой системы в целом.

Событием № 1 стал весенний коллапс системы управления налогами, отсрочки, моратории и т.д.

Неслыханное дело, но на моей памяти это первый и, надеюсь, единственный случай, когда законодатель добровольно передал свои законотворческие функции органу исполнительной власти. Сразу же вспомнились далекие 1990-е, когда указы Президента были юридически сильнее законов, принятых парламентом. Мы как будто бы вернулись в прошлое (хорошо, что ненадолго).

Да, речь идет о Законе № 102-ФЗ¹⁸, в одночасье превратившем Правительство из «главного исполнителя» в «главного законодателя», причем не только в налоговой сфере.

¹⁷ Постановление Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

¹⁸ Федеральный закон от 01.04.2020 № 102-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Вообще, время с марта по май 2020 г. было очень интересным для современного юриста: правовое регулирование осуществлялось в большинстве своем не нормативными актами, а телевизионными обращениями Президента РФ; толкование же его указов и речей велось устами президентского пресс-секретаря. Но таковы были тогдашние реалии, к которым приходилось приспосабливаться.

Кроме базового антиковидного Закона № 102-ФЗ, законодатель стал принимать поправки в Налоговый кодекс (НК) РФ — в качестве реакции на новые вызовы и проблемы. Уже 24 апреля была принята новая порция поправок, в которых законодатель отражал свою реакцию на новую реальность.

Тем не менее отказ от радикального изменения именно налоговой системы не повлиял на планы властей по изменению налоговой политики.

Поэтому **событием № 2** является изменение налоговой политики в сторону повышения налогов.

Думаю, все понимают, что курс этот был взят не в 2020 г., а ранее. Но вот в 2020 г. такая тенденция окончательно сложилась, сформировалась и закрепились. И хотя государство совершало некоторые шаги по смягчению налоговой политики (льготы компаниям из IT-сферы, как и снижение страховых взносов для МСП с 30 до 15%, можно оценить только позитивно), общая направленность очевидна.

Конечно же, виной всему стала **сложная экономическая обстановка в стране, вызванная как первой, так и второй волной коронавирусной инфекции, которая потребовала от государства мобилизации всех резервов, способных улучшить бюджетную ситуацию.**

Первой ласточкой стал НДФЛ, который стал взиматься с доходов по банковским вкладам, а также с доходов по некоторым ценным бумагам. Кроме того, власти отказались от плоской шкалы НДФЛ, установив повышенную ставку в размере 15% для доходов свыше 5 млн руб. Таким образом, политике мягких налогов для населения, которая реализовывалась в России на протяжении почти 20 лет, пришел конец.

С осени был повышен НДС для некоторых видов полезных ископаемых (введение рентного коэффициента в размере 3,5¹⁹), на 20% выросли акцизы на табачную продукцию, началась отмена налоговых льгот для нефтяной отрасли и пересмотр соглашений об избежании двойного налогообложения с Кипром, Люксембургом, Мальтой, Голландией и Гонконгом.

Забегая вперед, могу еще отметить отказ от продления очень комфортного и привычного для малого бизнеса специального налогового режима

¹⁹ Федеральный закон от 15.10.2020 № 342-ФЗ «О внесении изменений в главы 25.4 и 26 части второй Налогового кодекса Российской Федерации».

ЕНВД, который действовал в России с середины 1990-х гг. Причем никакой логики, кроме фискальной, в действиях властей в данном случае и не найти.

Можно предположить, что в 2021 г., а также в среднесрочной перспективе такая тенденция только сохранится и укрепится, вопрос только в ее масштабах и в конкретных сроках.

Событие № 3 — 2020-й стал годом величия и триумфа Федеральной налоговой службы.

ФНС — самое мощное и самое авторитетное ведомство России. Этому способствовали как субъективные, так и объективные обстоятельства.

Расцвет Службы начался намного раньше 2020 г., когда она фактически стала выше своего курирующего органа — Минфина. Однако в 2020 г., как мне кажется, особенно после назначения бывшего руководителя ФНС М. Мишустина Председателем Правительства (можно сказать, на вторую должность в государстве), сила и авторитет ФНС стали почти абсолютными.

Чем только ФНС сейчас не занимается, помимо сбора налогов! Это и регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, и валютный контроль и контроль за оборотом табачной продукции, и банкротства, и аккредитация филиалов и представительств иностранных компаний.

Судите сами: в 2020 г. практически все предложения ФНС принимались и поддерживались всеми ветвями власти и управления.

Фактически ФНС превратилась в своеобразный штаб для властей, в котором сосредоточивается масса информации и компетенций. И это еще не всё.

В соответствии с Концепцией электронного документооборота в хозяйственной деятельности и план мероприятий по ее реализации в ближайшие два года планируется перевести в электронный вид как внешних, так и внутренних документов организаций, а в перспективе — и документов при экономическом обмене в ЕАЭС.

Иными словами, в 2020 г. мы увидели мегаведомство, или суперминистерство, и коронавирусные события только укрепили его позиции, поскольку именно ФНС (ну и, конечно, Роспотребнадзор) стала основным агентом государства в его взаимоотношениях как с бизнесом, так и с населением.

Событием № 4 я бы назвал кризис применения ст. 54.1 НК РФ.

Более трех с половиной лет назад в первой части НК РФ появилась довольно странная, туманная, но и одновременно долгожданная ст. 54.1 — «Пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога, сбора, страховых взносов». Она была внесена в Кодекс

Законом²⁰, инициатива по разработке которого принадлежала видному депутату, председателю профильного Комитета по бюджету и налогам, одному из соавторов первой части НК РФ — А. Макарову.

В 2017 г. появление ст. 54.1 НК РФ стало настоящей маленькой сенсацией во всем российском налоговом мире. Сотни семинаров/вебинаров, сотни, если не тысячи публикаций и комментариев, несколько писем ФНС, по стилистике напоминающих диссертационные исследования. С тех пор страсти немного поутихли, а проблемы по применению этой статьи только копятся.

И главный вопрос во всей этой ситуации: ст. 54.1 — что это вообще такое?

По мне, ее появление мало что изменило в нашей жизни, ведь практически весь ее *контент* и без того уже существовал в правоприменительном пространстве.

Кроме того, ст. 54.1 НК РФ сама по себе была не только «неновая» и «сырая», но еще и как бы *внесистемная*, т.е. для того, чтобы она работала, ее одной на нормативном уровне «маловато». И это очевидно, потому-то ее появление и оказалось чем-то вроде «плюхи»: «плюхнулась» статья в НК РФ, а как ее применять — толком никто понять не может.

Может быть, именно поэтому судебная практика вот уже более трех лет применяет эту статью столь скупое, а Верховный Суд РФ до сих пор по ней ни разу не высказался. Хотя по-хорошему, он должен был бы сразу же при ее появлении издать какое-то разъяснение или информационное письмо, потому что очень уж несуразно эта статья смотрится в НК РФ сама по себе, как-то одиноко.

А в 2020 г. стал очевидным кризис ее применения: законодатель самоустранился, Верховный и Конституционный суды молчат (несколько актов Конституционного Суда РФ ничего не меняют), налоговые органы, кажется, тоже не совсем понимают, как ее правильно использовать, и *суют* ее везде, где только можно, к месту и не к месту, надеясь, что куда-нибудь кривая судебной практики да выведет. А судам приходится несладко, и судебная практика в разных округах складывается непоследовательно, противоречиво и почти в разную. В этой ситуации крайними остаются налогоплательщики.

И вот в 2020 г. о необходимости «что-то делать» наконец-то заговорили, причем заговорил главный применитель этой статьи — ФНС.

Так, выступая на Всероссийском налоговом форуме, который прошел 19 ноября в ТПП РФ, заместитель главы ФНС В. Бациев заявил, что Служба готовит обзор судебной практики по ст. 54.1 НК. Налоговое сообщество ожидало письмо по применению ст. 54.1 НК РФ еще до нового года, поскольку его текст был сформирован и даже прошел ограниченное

²⁰ Федеральный закон от 18.07.2017 № 163-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации».

общественное обсуждение, однако по пути к налогоплательщику документ куда-то *затерялся*.

Инициатива ФНС совершенно понятна, так как ведомство осталось практически один на один с этим недоразумением законодателя, и кому, как не ФНС, озаботиться тем, как эту статью применять.

Вопросов много, но следует признать, что обнародование письма ФНС о практике применения ст. 54.1 НК РФ является самым ожидаемым событием января 2021 г.

Событие № 5 — снижение страховых взносов для МСП до 15%.

В соответствии с Законом № 102-ФЗ выплаты субъектам МСП, превышающие МРОТ, стали облагаться по ставке 15%. Превышение будет определяться по итогам каждого календарного периода. Если выплаты составляют МРОТ, то обложение будет осуществляться исходя из ставки 30% (фактически введена регрессия по страховым взносам).

Причем в своем обращении к гражданам России от 25.03.2020²¹ В. Путин сказал, что эта мера будет постоянной, а не временной.

Представляется, что это самая действенная и эффективная мера поддержки бизнеса, которую смогли принять власти не только в начальной стадии пандемии, но и вообще за все последние годы.

Событием № 6 являются сразу два великолепных судебных прецедента из Верховного Суда РФ по поводу фирм-однодневок.

В мае СКЭС почти одновременно рассмотрела два интереснейших дела, которые касались возложения на налогоплательщика негативных налоговых последствий за его взаимоотношения с контрагентами, которых налоговый орган признал однодневками.

Соль в том, что подобными спорами по обвинению налогоплательщика в работе с однодневкой с лишением его вычетов по НДС, а то и расходов по налогу на прибыль, в буквальном смысле завалены все арбитражные суды страны. Более того, некоторые дела до суда вообще не доходят, потому что налогоплательщики понимают: этот спор им у налоговой не выиграть. Ведь вот уже более 15 лет ФНС и ее территориальные органы неистово борются с однодневками, нещадно наказывая тех, кому с ними не посчастливилось работать.

И ладно, если бы налогоплательщики страдали за неумную оптимизацию или за «обналичку» через ими же созданные «номинальные структуры». Но очень часто налогоплательщики к «черным» структурам не имеют никакого отноше-

²¹ См.: <http://kremlin.ru/events/president/news/63061> (дата обращения: 22.01.2021).

ния — просто заключают договор, исполняют его, отражают хозяйственные операции в бухгалтерском и налоговом учете и на этом успокаиваются. А через пару-тройку лет начинается эпопея, в которой крайним остается не тот, кто налогов не заплатил, а тот, кто имел с ним взаимоотношения. Оправдания налогоплательщиков типа «а я откуда знаю», «я контрагентов не контролирую», «я не отвечаю за действия третьих лиц» никого особо не волнуют. Фактически действует принцип «кто не спрятался, я не виноват», а государство включило механизм круговой поруки. Получается, что налоговое ведомство борется с однодневками, возлагая ответственность не на самого нарушителя, а на представителей нормального бизнеса. Тезис у проверяющих здесь один: «А нечего было с однодневками работать».

Эта практика стала столь повсеместной, что выиграть спор у налоговой, которая выявила где-то в цепочке однодневку, если и возможно, то это будет уже сродни чуду.

Несмотря на массовость налоговых споров по однодневкам, Верховный Суд РФ за несколько лет рассмотрел таковых всего несколько: с 2016 г. я насчитал всего три.

Таким образом, можно предположить, что за несколько лет в практике рассмотрения налоговых споров по однодневкам появились и накопились новые вопросы и проблемы, которые объективно требовали нового вмешательства Верховного Суда РФ, что и было сделано в 2020 г.

Первое дело АО «СПТБ „Звездочка“» было рассмотрено 14 мая²², второе — по заводу «Красцветмет» — 28 мая. Подробный авторский анализ доводов и позиции СКЭС Верховного Суда РФ по этим делам вы можете прочитать в моем персональном блоге²³.

Главный их итог в том, что в 2020 г. у налогоплательщиков появились новые дополнительные аргументы для защиты своих прав и интересов, и я думаю, что мы долго еще будем обращаться к тексту этих судебных решений, поскольку в нынешние сложные времена ни один налогоплательщик не застрахован от того, что на его пути ему попадетсся однодневка, а соответственно, от обвинения в неуплате налогов.

Пока же перейдем к **событию № 7**, а именно пересмотру позиции России по условиям соглашений об избежании двойного налогообложения (СИДН) с некоторыми офшорными территориями.

25 марта, в уже упомянутом первом обращении к гражданам России в связи с началом пандемии коронавируса, Президент Путин, говоря о первоочеред-

²² Определение СКЭС ВС РФ от 14.05.2020 № 307-ЭС19-27597 по делу № А42-7695/2017.

²³ Комментарий к Определению СКЭС ВС РФ от 14.05.2020 № 307-ЭС19-27597 (по делу № А42-7695/2017). URL: <http://www.nalog-briz.ru/2020/05/14052020-307-19-27597-42-76952017.html#more> (дата обращения: 22.01.2021).

ных мерах защиты государственных интересов, особо отметил необходимость пересмотра СИДН. Именно его слова послужили для государственных органов сигналом к началу соответствующей кампании.

Первыми в этом печальном списке стали Кипр и Люксембург, с которыми был установлен в числе прочего режим налогообложения у источника доходов в виде дивидендов и процентов по ставке в размере 15% с исключениями.

На подходе к пересмотру Мальта и Гонконг. А вот с Голландией вышла заминка: по сообщениям СМИ, Минфин России вообще приступает к денонсации СИДН, так как переговоры о его корректировке не дали результата. Россию не устроил предложенный Нидерландами компромисс по налогам, поскольку предложения иностранных партнеров так или иначе сохраняли канал вывода капиталов из России с минимальными налоговыми последствиями. При этом, как сообщает пресс-служба Минфина, Россия готова продолжать переговоры по этой теме еще в течение двух месяцев²⁴.

Очевидно, что Россия взяла четкий курс на пересмотр своих подходов к международному налогообложению. Могут предположить, что работа по изменению СИДН продолжится и в 2021 г.

Событием № 8 я бы назвал победное шествие самозанятых по стране.

2020-й начался с того, что к четырем регионам — участникам эксперимента по введению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» присоединились еще 19 субъектов РФ. Однако уже тогда раздавались голоса некоторых экспертов и политиков о том, что новый налоговый режим для самозанятых надо внедрять повсеместно²⁵.

Представляется, что ситуация с коронавирусом ускорила принятие соответствующего решения, и вот 30 марта депутат А. Макаров и сенатор Н. Журавлев внесли в Думу законопроект²⁶, согласно которому субъекты РФ могли вводить этот налоговый режим на своей территории с 1 июля 2020 г.

К концу 2020 г. встало на учет порядка 1,3 млн самозанятых.

Кроме того, самозанятые получили и государственную поддержку в период пандемии: на них были распространены меры поддержки, которые предоставлялись субъектам МСП, им были возвращены налоги, уплаченные за 2019 г.,

²⁴ См.: Минфин приступил к денонсации налогового соглашения с Нидерландами // Коммерсант. 2020. 4 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4602498>; Россию не устроил предложенный Нидерландами компромисс по налогам // Коммерсант. 2020. 8 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4604695> (дата обращения: 22.01.2021).

²⁵ См.: Совфед работает над законопроектом о статусе самозанятых // Коммерсант. 2019. 24 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4206258> (дата обращения: 22.01.2021).

²⁶ Законопроект № 933027-7 «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона „О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход“».

а правительство Свердловской области приняло решение о выплате каждому самозанятому 10 тыс. руб.

Иными словами, «самозанятые победили во всей стране». Думаю, что в 2021 г. глава о налоге на профессиональный доход должна будет появиться в тексте НК РФ, но теперь возникают как минимум два вопроса:

1) выполнит ли государство свои обещания о сохранении льготных положений этого режима до 2028 г.?

2) когда государство перейдет от «политики пряника» к «политике кнута» в отношении тех самозанятых, которые не встают на учет?

Очевидно, что вопросы эти непростые и неоднозначные²⁷.

Событие № 9 — отказ властей от продления ЕНВД.

Странно, конечно, что государство ополчилось на ЕНВД и, несмотря на предложения и всевозможные ходатайства, не стало его сохранять. С 1 января 2021 г. этот режим более на территории страны не применяется.

Интересно, что у ЕНВД нашлось множество защитников. Его просили оставить не только представители бизнеса, но и некоторые политики и даже регионы, в том числе и наша Свердловская область. С февраля 2020 г. в Думу было внесено четыре законопроекта о сохранении ЕНВД до 2024 г.²⁸

Тем не менее победила позиция Правительства и лично его председателя М. Мишустина.

Получается, что ЕНВД, успешно просуществовавший в нашей стране более 20 лет, вдруг в одночасье стал вредным и требующим отмены по причинам его якобы особой «уклономкости». С этим можно было бы, наверное, согласиться, если бы тот же министр или его коллеги попробовали на цифрах показать, в чем же конкретно состоит некое злоупотребление и насколько оно массово. Сколько из более 2 млн субъектов, применяющих ЕНВД, «злоупотребили»?

Есть хорошая датская поговорка: «Мешок денег перевесит два мешка истины». Именно она вспоминалась мне каждый раз, когда я читал о решении властей не сохранять ЕНВД на будущее.

²⁷ Мою позицию по ним см.: Может ли государство изменить обещанные условия налогообложения самозанятых ранее 2028 года? URL: <http://www.nalog-briz.ru/2020/05/2008.html>; Аркадий Брызгалин: «Государство будет усиливать контроль. У него просто нет выбора». URL: http://www.nalog-briz.ru/2020/12/blog-post_21.html (дата обращения: 22.01.2021).

²⁸ Законопроекты № 899026-7 (инициатор — Еврейская автономная область), № 1003319-7 (инициаторы — 9 сенаторов и 1 депутат Думы), № 1013197-7 (инициаторы — 8 депутатов Думы), № 1033331-7 (инициатор — Ленинградская область).

Наконец, **событие № 10** — установлены новые размеры недоимки для целей уголовного преследования за налоговые преступления.

1 апреля В. Путин подписал Закон № 73-ФЗ о внесении изменений в УК и ст. 281 УПК РФ²⁹.

Очень важными представляются поправки в примечания к ст. 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4 УК РФ.

Так, впервые с 2016 г. изменен порядок определения недоимки в «уголовно-правовом размере», т.е. в случае, когда размер недоплаты в бюджет имел уголовно-правовые последствия и давал основания ставить вопрос о возбуждении уголовного дела.

Если ранее наряду с фиксированными суммами недоимки должна была учитываться еще и доля уплаченных налогов, то сейчас из УК РФ исключены положения, ставящие размер уклонения в зависимость от доли недоимки в общей сумме исчисленных и уплаченных налогов.

Новые поправки опасны в первую очередь для руководителей крупного бизнеса России, так как любая «мелкая», по меркам большой организации, недоимка автоматически создает риски уголовного преследования ее руководителей.

Не могу удержаться — упомяну еще одну «тройку лидеров», которая, может, по своему значению и менее масштабна, чем представленные выше налоговые события, однако умолчать о которой нельзя.

Во-первых, введены новые инвестиционные льготы для инвесторов.

Во-вторых, установлен переходный период в случае превышения пороговых значений доступа к УСН.

В-третьих, наблюдается защита судебной практики «налоговой реконструкции».

Подробнее об этих событиях можно ознакомиться также в моем блоге³⁰.

²⁹ Федеральный закон от 01.04.2020 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

³⁰ <http://www.nalog-briz.ru/2021/02/2020-102020-2020-2021.html> (дата обращения: 22.01.2021).